

Блинов Е.Н.

1041954@rambler.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036/.038(571.1)
ББК 85.113 (253)

DOI: 10.37909/978-5-89170-275-2-2020-1013

АРХИТЕКТУРА СИБИРСКОГО ГОРОДА ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. Анализируются архивные документы и публикации в профессиональной печати 1920–1930-х гг., которые содержат профессиональные оценки архитектуры сибирских городов этого времени. Сложность анализа этого материала определяется его многослойностью, отрывочным характером и зачастую – крайней пристрастностью респондентов. Большинство таких оценок давались в открытой печати и на общественных мероприятиях – то есть изначально было рассчитано на непрофессиональную аудиторию и государственного заказчика.

Ключевые слова: история советской архитектуры; город-сад; соцгород; Сибирь.

Введение. Суждения и оценки архитектурного облика сибирских городов 1920–1930-х гг., оставленные современниками, – важный источник по истории архитектуры Сибири того времени. До сих пор этот сложный для анализа, неоднозначный и противоречивый материал, не рассматривался с точки зрения изменений, происходивших в архитектуре сибирских городов в довоенный период.

Материалы и методы. Источником исследования послужили публикации в открытой печати 1920–1930-х гг. и документы того времени, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Сопоставляются оценки архитектурно-градостроительных экспериментов в Сибири, принадлежавшие профессиональному сообществу (архитекторам и инженерам), представителям государственных структур и местному населению.

Результаты. Одно из самых первых и наиболее известное упоминание сибирского города рубежа 1920–1930-х гг. содержится в строках стихотворения Владимира Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929 г.): «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвезть, когда такие люди в стране советской есть!». Постоянным рефреном в этом стихотворении звучит строчка «Через четыре года здесь будет город-сад», которую повторяет замерзающий рабочий [6, с. 2].

Характерно, что в 1929 г., в период расцвета идей авангарда, будущий город воспринимался современниками (и рабочими и Маяковским) именно как город-сад. Не менее поразителен и рисунок художника А.А. Дейнеки, сопровождавший первую публикацию этого стихотворения в журнале «Чудак» (1929 г.). На рисунке изображены не коттеджи города-сада, а многоквартирные дома авангардной архитектуры с обобществленным бытом (рис. 1), характерные, скорее, для соцгорода. Архитектурный образ Дейнеки так же мало связан с реальным обликом городов Сибири того времени (рис. 2), как и с архитектурой собственно города-сада (в его исконном понимании).

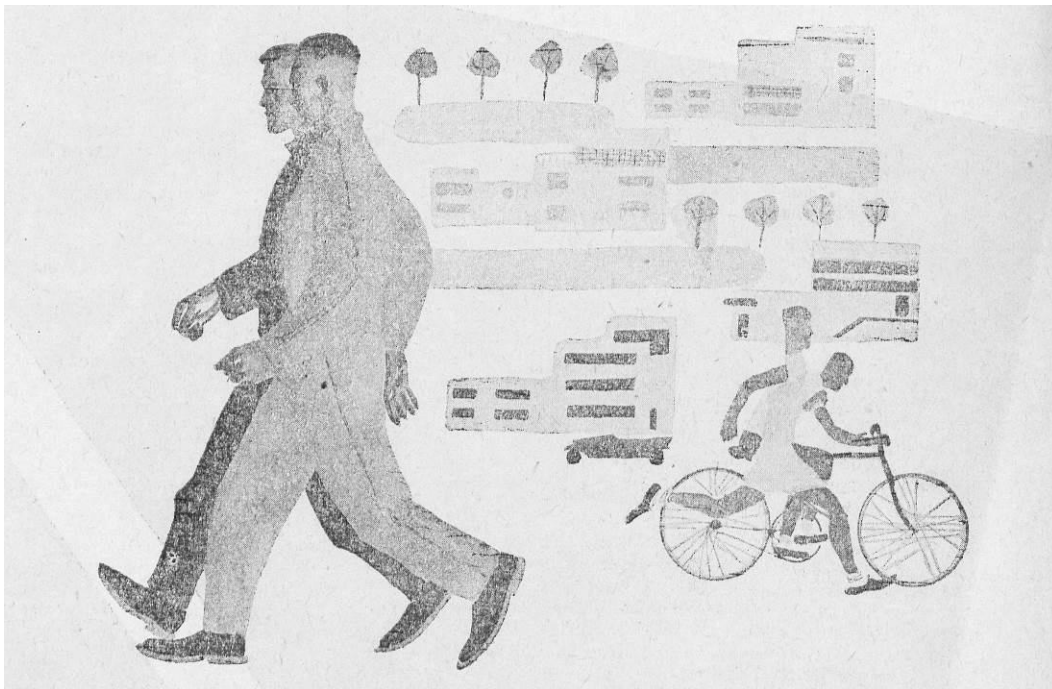


Рис. 1. Иллюстрация художника А.А. Дейнеки к стихотворению В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929 г.) [6, с. 2]



Рис. 2. Семья строителей (землекопов-грабарей) Кузнецкого металлургического комбината у своего жилища. Фотография 1929–1932 гг. [12]

Отмеченные нами противоречия между изображением, текстом и стоящими за последним мечтами рабочих Кузнецкстроя, отражают стремительное изменение представлений об архитектуре того времени. Характерная черта эпохи: архитектурная идея в стихотворении Маяковского начинает жить своей особой жизнью, приобретает самостоятельную ценность, куда более значимую для рабочих

Кузнецкстройа, чем окружающая их архитектурно-градостроительная действительность. Вопиющее расхождение прекрасного образа будущего на рисунке с трагической реальностью, возможно, объясняет роль концептуальных проектов в то время.

Во второй половине 1910-х гг. «по типу городов-садов» в Сибири были разработаны проекты рабочего поселка для рабочих и служащих нового металлургического завода в Кузбассе у станции Туштулеп (1916–1918 гг.), города-сада в северной части Барнаула (1917 г.), города-сада при Управлении Кольчугинской железной дороги на станции Кузнецк (1916 г.), хутора кооперативного товарищества в Омске, переработанного по инициативе санитарного врача К.М. Гречищева «по идеям города-сада» (1918–1919 гг.). В начале 1920-х гг. их ряды дополнили проекты планировки Колонии семейных рабочих Киселевского рудника (1921 г.), города Щегловска (1921 г.) и эскизный проект планировки Новониколаевска – будущего Новосибирска (1925 г.).

Подавляющее большинство этих проектов, ориентированных на создание условий для «спокойной, удобной и здоровой жизни» [8, с. 35], так и не было реализовано. Примечательно, что достигаемые при попытках воплощения таких новаторских для того времени идей, результаты, как правило, редко оправдывали ожидания современников.

Реализация разработанного П.А. Пармоновым проекта планировки города-сада Щегловска, продолжавшаяся до конца 1920-х гг., одним из самых ярких поборонок идеи городов-садов в Сибири, сибирским инженером А.И. Петровым, была оценена в 1929 г. достаточно негативно: «Вместо монументальных зданий даже на главной площади для советских учреждений строятся деревянные здания; вместо зеленых зон и насаждений – пока громадные пустыри» [9, с. 101].

Наличие «обширных земельных участков» и отсутствие строгой регламентации и контроля над индивидуальной застройкой позволяли осуществлять последнюю «так, как каждому заблагорассудилось». Владельцы индивидуальных участков, из-за «экономической своей маломощности», обычно довольствовались тем, что ставили «на усадьбе хибару, наружную уборную и даже, в большинстве своем», не ограждали «как следует усадьбу забором, ограничиваясь жердяной загородкой». Подобная практика распространялась и на «щегловские учреждения», которые строились «так же, как и частные владельцы – кто [и] где хотел, и также захватывали обширные земельные участки, не задумываясь об их дальнейшем использовании» [3, л. 49].

Авторы разработанного в 1930 г. нового проекта перепланировки города считали трагедией Щегловска тот факт, что «ни на одной усадьбе» невозможно было найти «ни кустика», а на месте намеченного в плане «зеленого кольца» в действительности не было высажено «ни одного дерева». Нереализованная часть города-сада П.А. Пармонова захватывалась «нахаловками», застраивалась «землянками, тесовыми и полубревенчатými хибарами» [3, л. 50]. Все это очень далеко отстояло от идеала города-сада: аккуратных участков с палисадниками и идиллическими коттеджами заводского производства.

На рубеже 1920–1930-х гг. в Сибири нашли отражение новые архитектурно-градостроительные концепции и идеи, связанные с архитектурным авангардом. Наиболее известной интерпретацией принципов социалистического города (соцгорода) для сибирского региона стал выполненный А.А. и Л.А. Весниными проект рабочего поселка при Тельбесском (Кузнецком) металлургическом заводе,

оставшийся ярким памятником градостроительной мысли, но не получивший реального воплощения. В сложившейся ситуации первых пятилеток наиболее актуальными для Сибири зачастую оказывались не реализованные проекты, а так называемая «бумажная архитектура», позволявшая выразить самые радикальные предложения. Судьбу этого авангардного проекта братьев Весниных для Сибири можно считать счастливой и в этом отношении уникальной: нам не удалось обнаружить в публикациях довоенного периода критических отзывов о нем.

Иначе сложилась судьба разработанного в 1928 г. студентом Томского технологического института Н.С. Кузьминым дипломного проекта «Дома-коммуны Анжеро-Судженских горняков», который получил широкую известность благодаря публикации в 1930 г. его основных положений в журнале «Современная архитектура» под заголовком «Проблема нового быта». Изначально воспринятый в позитивном ключе и поддержанный признанными лидерами конструктивизма, с середины 1930-х гг. проект стал объектом ожесточенной критики, в которой приняли участие его бывшие апологеты и сторонники из лагеря конструктивистов – Р.Я. Хигер и М.Я. Гинзбург. Последний в 1934 г. сравнил проект Н.С. Кузьмина с «общежитием» и «прусской казармой» [2, с. 142].

Похожей оказалась и судьба частично воплощенных в жизнь проектов застройки для новых сибирских городов (Новокузнецка, Тургана, Щегловска и Ленинска), выполненных бригадой немецкого архитектора Эрнста Мая. Непременным атрибутом всех градостроительных проектов бригады была строчная застройка, воспринимавшаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в нашей стране достаточно позитивно. Об этом свидетельствуют благожелательные отзывы в архитектурной периодике и примеры использования строчной застройки в отечественном градостроительстве. Однако, к середине 1930-х гг. отношение к работам бригады Э. Мая и строчной застройке радикально изменилось. Отныне она характеризовалась как «образец голой функциональности, серой однотонности и убийственного однообразия», «убогий «ящичный» примитив» [11, с. 163], как «пример глубокого падения архитектурной культуры на Западе» [7, с. 62, 63].

Негативная оценка строчной застройки принадлежит и соотечественнику Э. Мая, немецкому архитектору Рудольфу Волтерсу, который был сторонником ретроспективного направления и активно симпатизировал нацизму. В изданной в 1933 г. в Берлине книге «Специалист в Сибири», Волтерс в целом положительно оценивал профессиональные заслуги бригады Э. Мая в СССР. Однако и он называл строчную застройку «до смерти заезженной», язвительно говоря о ее «зачатках», которые «печально-предупреждающе торчат во всех концах России над морем деревянных изб» [1, с. 124].

Более резко о результатах работы бригады Э. Мая говорил в 1938 г. на съезде Советских архитекторов сибирский архитектор А.Д. Крячков: «...с 1930 г. в Сибири имела место вредительская деятельность германского архитектора Мая. Именно по его проектам начали строиться новые сибирские города – Сталинск, Прокопьевск, Белово» [10, с. 105].

Претворенные в жизнь проекты жилых и общественных зданий в Кемерове, созданные голландским архитектором Йоханнесом Бернадусом ван Лохемом, – руководителем архитектурного отдела Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс», также получили у современников неоднозначную оценку. Со стороны рабочих использование принципа блокировки («дома-колбасы») натолкнулось на резкое неприятие. Сегодня такая негативная оценка может показаться

невероятной: как хорошо известно, ван Лохем тщательно изучал местные строительные и бытовые условия и стремился организовать удобное и экономичное жилище для рабочих.

Эвакуированный в годы Великой Отечественной войны из Ленинграда в Новосибирск архитектор А.И. Гегелло, в 1943 г. на примере Новосибирска обратил внимание на негативную тенденцию в архитектуре региона: низкое качество строительных работ. Гегелло подчеркивал, что особый урон этим наносился зданиям конструктивистской направленности, и в результате создавалось «впечатление о низком уровне архитектурной культуры» в городах Сибири [5, л. 2–2об.].

Оценка качества застройки сибирских городов содержится в ряде документов, принятых центральными органами управления СССР в конце лета – начале осени 1932 г.

В постановлении СНК РСФСР № 806 от 1 августа 1932 г. «О ходе жилищного, коммунального и социально-культурного строительства гор. Сталинска» констатировалось, что «состояние коммунального и жилищного хозяйства и культурно-бытового строительства» в городе «является неудовлетворительным, резко отстает от промышленного строительства и роста населения» [4, л. 17]. Постановление Совета Труда и Оборона № 1163 от 17 сентября 1932 г. «О ходе жилищно-коммунального и социально-культурного строительства г. Сталинска» требовало «признать необходимым, чтобы строительство жилых домов 1932 г. в тех случаях, когда положение работ это позволяет, в архитектурном отношении было улучшено, однако без задержки строительства» [4, л. 33].

Выводы. Таким образом, противоречивость суждений об архитектуре сибирских городов довоенного периода, что называется, бросается в глаза, и побуждает найти этому явлению объяснение.

Стремительной сменой архитектурных подходов, на основе которых архитекторы пытались заглянуть в будущее, дать прогноз развития городов и с этой точки зрения смотреть на идеи недавнего прошлого, объясняются полярные оценки архитектурно-градостроительных разработок для городов региона в довоенный период. Для городов Сибири в 1920–1930-х гг. было разработано достаточно большое число новаторских проектов – как градостроительных, так и архитектурных. Вначале, на проектной стадии, все они встречали самую активную поддержку и положительную оценку – как на местах, так и в центре. Однако, уже в ходе реализации практически все такие проекты, как реализованные, так и в большинстве своем оставшиеся нереализованными, получили негативную оценку современников. Негативной была и общая оценка осуществлявшейся в городах Сибири массовой застройки. Достижимый результат в 1920–1930-х гг. всегда отставал от быстро менявшегося идеала.

Помимо объективных факторов рассматриваемого периода необходимо учитывать и субъективные факторы, определявшие каждое конкретное высказывание. Зачастую мы сталкиваемся не только с оценкой сиюминутного состояния дел в архитектуре сибирского города, но, и в значительной мере, с представлениями конкретного человека и специалиста о дальнейших путях развития архитектуры и градостроительства.

Во второй половине 1920-х гг. неизбежный отпечаток на оценки накладывала «групповая» принадлежность того или иного архитектора и исповедуемые им и его соратниками убеждения. Примером может служить беспощадная критика ар-

хитекторов «старой школы», А.Д. Крячкова и К.К. Лыгина и их построек, архитекторами-конструктивистами на страницах журнала «Современная архитектура».

Говоря об изменении позиции советских архитекторов во второй половине 1930-х гг., необходимо иметь в виду, что в своих публичных высказываниях они были вынуждены неукоснительно следовать «генеральной линии партии». Отсюда мотивы «раскаяния», «самобичевания» в оценке собственных работ, громогласное развенчание совершенных «ошибок». Такие выступления носили не профессиональный, а политический характер.

Поэтому в ряде случаев высказывались прямые обвинения в политической неблагонадежности и «вредительстве». Отчетливо прослеживается стремление найти «виновных», списать на их счет неизбежные «издержки роста». И такие оценки сегодня не должны восприниматься буквально. Тот же Крячков, на словах обвиняя Мая, этим, по сути, спасал своих сибирских коллег-градостроителей, которые в отличие от Мая остались в СССР, и вполне могли попасть под маховик репрессий.

Список литературы

1. *Волтерс Р.* Специалист в Сибири / Р. Волтерс; [пер. с нем. Д.С. Хмельницкого; рис. Г. Лаутера]. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. – 255, [2] с.

Список источников

2. *Гинзбург М.Я.* Жилище = die wohnung = l'habitation: опыт пятилетней работы над проблемой жилища / М.Я. Гинзбург. – М.: Гос. научно-техническое изд-во строительной индустрии и судостроения, 1934. – 190, [2] с.

3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075.

4. ГАО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 109.

5. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.

6. *Маяковский Вл.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // *Чудак*. – 1929. – № 46 (ноябрь). – С. 2.

7. *Мостаков А.* Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая / А. Мостаков // *Архитектура СССР*. – 1937. – № 9. – С. 60–63.

8. *Петров А.[И].* Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири / А.И. Петров // *Коммунальное дело*. – 1923. – № 1 (4). – С. 35–36.

9. *Петров А.И.* Планировка городов Сибирского края / А.И. Петров // *Коммунальное дело*. – 1929. – № 2 (97). – С. 98–102.

10. *Планировка и строительство городов СССР.* Материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР, 7–11 июля 1938 г. – М.: Изд-во ВАА, 1938. – 142 с.

11. *Светлов Ф., Горный С.* Социалистический город в бесклассовом обществе / Ф. Светлов, С. Горный // *Плановое хозяйство*. – 1934. – № 2. – С. 153–172.

12. Сталинск. Семья землекопа [Электронный ресурс]. – URL: <https://pastvu.com/p/262679> (дата обращения: 09.12.2020).